

ТАНЯ (ТАР

**КАК СЫР
В МАСЛЕ...**

Байки кота Коврика книга первая

Таня Стар

**Как сыр в масле... Книга первая.
Серия «Байки кота Коврика»**

«Автор»

2018

Стар Т.

Как сыр в масле... Книга первая. Серия «Байки кота Коврика» /
Т. Стар — «Автор», 2018

Веселые и не очень истории о котах. Ох, уж эти питомцы! Кот Коврик
расскажет вам много баек.

© Стар Т., 2018

© Автор, 2018

Содержание

Как сыр в масле...	7
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Таня Стар

Как сыр в масле... Книга первая.

Серия "Байки кота Коврика"

Без кота и жизнь не та...

Эта история о самом ленивом коте не выдумка. Он и сейчас, лёжа на диване, бороздит мысленно просторы Вселенной или ещё чего-то там.

Рыжая полосатая кошка, сродни масти тигрицы, – окотилась и, зализывая родовые раны, полагала, что все котята явились на свет.

Вдруг нежданно-негаданно высунулась голова последнего из помёта. Шмякнувшись оземь, малыш чуть слышно запищал: «Здра-асти! Не жда-али?» – дрожал его голос.

Первая претенциозная мысль последыша, а это был кот, сформировала неуживчивый характер у новоиспечённого жителя планеты Земля. Представ впервые пред роднёй, он первым делом высказал всё, что думает о них:

– Вы, родственнички, совсем озверели! Почему меня никто не разбудил? Как вы могли оставить меня, беспомощного, в полной темноте? Хотя бы в бок толкнули, что пришла пора предстать перед мамой. Я родился последним. Это факт. А значит, я самый маленький и вы обязаны мне во всём помогать. Предатели! – крепыш выговорил сложное слово по слогам и бубнил, бубнил, стеляя родню: – Я делил с вами место в мамкином животе, а вы, хлебнув воли, немедля забыли обо мне. Мало того, что притесняли, толкались, почём зря, а потом в самый ответственный момент бросили на погибель. Вот чуток подрасту, – отомщу вам.

Оказалось, что малыша хлебом не корми, а дай поскулить.

С такими лукавыми мыслями уродился плутоватый и знаменитый байками кот.

Мамаша тем временем почистила отщепенцу шёрстку, тщательно вылизав его, как и остальных полосатиков.

В надежде подкрепиться, он, встав на дрожащие лапки, с силой растолкал уснувших братьев и сестёр и примостился к тите. Дотянувшись до заветного соска, малыш отчаянно тягал его из последних сил. Но титя оказалась пуста. Сородичи не оставили ему ни капли еды. Донельзя намаившись с добыванием молока он, чтобы не умереть от голода, повис на мамке, вцепившись будто вошь, чтобы позже, как следует подкрепиться. Перед тем как уснуть, он строил планы:

– Пусть сейчас и пустая мамкина титя, но моя. Я теперь первый, кто досыта поест молока.

Отогревшись в пушистых объятиях кошки, потомок всё же забылся сном и, посапывая, тешился надеждой натрескаться до икоты. Тёплое мамкино пузо, было для него всем миром. Котёнку приснилась круглая, как арбуз, молочная железа. Он был настойчив в желании опустошить её первым. В дрёме он, то отчётливо слышал храп, то попискивание неблагоприятной к нему родни. Всю ночь у него сводило живот от голода, и он окончательно пробудился, и с жадностью потягал мамкин сосок, из которого полился нектар – жирное молозиво. Сладёна в жизни ничего вкуснее не ел, потому что вообще ещё не ел. Усердно работая челюстями рыжик, наскребав напёрсток еды, насытился и уснул. Отвалившись, словно насосавшийся крови клещ, он уступил место брату. Котёнок не просто уснул, а спал прямо-таки мертвецки, хоть куда хочешь уноси его, – не услышит.

Он бы рос счастливо, но всегда совал нос во все дыры. Из-за чрезмерного любопытства малыш часто влипал в неприятные истории. Борьба за выживание и место под солнцем научили его быть стойким к невзгодам и выносливым к голоду. Спустя десятилетие темперамент кота поутих, интерес к неизведанным далям канул в лету, и на смену пришли философское спокойствие и отрадная лень.

Теперь этот жирный, потерявший талию кот, жил только мечтами и воспоминаниями о былом. В зрелом возрасте его лень достигла такой абсурдной глубины, что он ел бы даже лёжа у миски. Если бы не естественные надобности, он так и валялся бы у порога, урча под нос любимые песни. Чаще всего размышления славного кота сводились к главной мысли: «Если бы я был...».

Итак, вот вам рассказ от первоисточника.

Как сыр в масле...

Я жил с моей новой семьёй в большом одноэтажном доме.

Понятное дело, что у моего будущего хозяина с именем Михаил фантазии было ни на грош. Завидев меня, он нелепо умилился и произнёс скрипучим голосом (а потому что много курил):

– Что за чудо, – кот! Смотри дорогая, – он обратился к моей будущей хозяйке, а его брови взбежали вверх, собирая на лбу гармошку из морщин. – У него на мордашке чернющее пятно, словно клякса от чернил. Грязнуля! – Кинул он обвинения, глядя прямо в мои глаза и жёстко потрепал за ухо. А затем, забрав из рук хозяйки, поднял над головой и обозвал меня первым пришедшим в голову именем: – Му-урзик!

Так я нашёл своих хозяев, и они меня приютили.

Михаил, – так звали хозяина, погладил меня за ухом, а я ему ответил урчанием. Потом я плавно перешёл из его рук в руки жены, – Анне, которая приласкала меня, прижав к тёплой груди.

– А давай-ка и впрямь назовём его – Мурзик. Он на мурзилку сильно похож, – предложил муж.

Мужик сразу мне разонравился:

– Хах! Мурзик! Он что, издевается? Уверяю, что если он и дальше будет меня так величать, то скоро узнает, – какое я лихо. И не дай бог хоть раз произнесёт эту скверную кличку! – и я затаил злость на незнакомого дядьку.

Видите ли, его растрогала моя смешливая мордашка, и он вдруг решил, что я грязнуля, – вернее мурзик. А моё мнение – иное.

Если тебе кто-то нравится (впрочем, я никогда не сомневался, что стал любимцем), не стоит называть его ужасным именем, особенно – Мурзиком. С тех пор я ни разу не отозвался на обидную кличку.

Хозяин, он же узколобый! Уж, сколько раз, гипнотизируя взглядом, я внушал ему, что негоже милашку, каким был я, обзывать Мурзиком. Но он не замечал моего презрительного, – фе! А я усердно игнорировал новое имя. Проблему, как всегда, решил случай.

Как-то раз, придя домой, хозяин, переступая порог дома, споткнулся, зацепившись об меня ботинком и по инерции полетел вперёд. Влетев на скорости в стену, он чуть не расшиб себе лоб (так ему и надо!). Потом, развернувшись, навис надо мной и как гаркнет:

– Разлётся! Здесь... Как у себя дома... – и слюной оплевал всю мою шерсть. Отвесив в довесок лёгкий пинок под мой пушистый хвост, Михаил рывкнул: – Вечно валяешься на пороге! Ковром себя возомнил?

Ошарашенный криком, я подскочил и, как ошпаренный, убежал, сметая на своём пути напольную вазу, пульт от телевизора с журнального столика и рваные носки хозяина со стула и залетел под кровать. Гений тот, кто изобрёл кровать, – лучшее место для прятков.

Отыскав безопасный угол, я возмутился:

– Хм... Интересно... а разве я ни у себя дома? Я уверен, что это он у меня в доме.

Сам того не зная, Михаил окрестил меня новым именем – Коврик.

С тех пор меня звали Ковриком, в основном, когда я лежал у порога и все, кому не лень, наступали мне на хвост. Кличка приклеилась, будто банный лист (ну, сами знаете к чему).

Имя Коврик было таким же нелепым, как и Мурзик. Но оно основательно закрепилось за мной с полного согласия моего хвоста, вернее его кончика, который то и дело реагировал на призыв.

Ковриком меня звали не только за то, что я валялся у порога, но и за длинную, мягкую и пушистую шерсть один в один похожую на ковёр. Сходство моей особы с наречённым именем не оспоришь, – вот я и смирился.

Кстати, в противовес кличке – Коврик, появилась и обидная – Половик. Так меня кличут, когда я путаюсь под ногами. Члены семьи каждый раз чертыхаются, когда оттаптывают мой теперь уже порядком истрёпанный хвост. От боли я, конечно же, визжу и подпрыгиваю, а испуганная родня от жалости ко мне просто в обморок падает. А потом в след ругают, словно это я им на хвост наступил. Странные люди. Их логику не понять.

За непослушание и проказы меня обзывали – Половиком.

Дурацкие клички дал мне милый старикан. Пусть зовёт как хочет, лишь бы не бил! Однако я принципиально не отзовусь на кличку – Мурзик, потому что считаю себя чистюлей, который две трети жизни лижет свою попу и всё что её окружает.

С годами я смирился с прозвищем – Коврик и вяло реагировал на – Половик.

Справедливости ради, скажу, что данная кличка, мне кажется, с точностью определяет мой образ жизни, ведь я днюю и ночую на пороге дома. А знаете почему? Потому что исполняю высокую миссию, – охраняю жильё. Невзирая на то, что хозяев раздражает моё возлежание у порога, я продолжаю честно нести службу, – это мой долг.

С тех пор как каждый член семьи, уверяю вас, ни один раз вытер об меня ноги. Я до икоты ненавижу порог, но меня всё время манит к нему с силой магнита, потому что врождённое любопытство и неистребимое желание узнать новости с первых уст с годами только усугубилось.

Воинственный окрас достался мне по наследству от папы, а поперечные полосы от мамы. Устрашающее рваное чёрное пятно в пол морды удачно скрывало милую рожицу.

Да! Я рыжий! И не стесняюсь своей масти. Моя торчащая дыбом шерсть всегда предупреждает о готовности атаковать и шипеть по любому поводу.

Больше всего мне нравится, когда меня кличут – Ковёр. В такие минуты я ощущаю себя Королём. Вмиг возгордившись, я сразу с надменным видом дефилирую перед домашними, являя семье собственную значимость и величавость, показывая своё согласие на возведение меня в ранг короля. И осанка и стать показывали им что я кот, а не какая-то мышь под веником. Но мои выкрутасы в образе короля заканчивались плохо, – я всегда что-либо ронял и разбивал.

Люблю я моменты, когда мою полосатую, будто у тигра, великолепную спинку чешут, приговаривая: «Коврик, Коврик...». Уж, я-то тогда, купаясь в ласке, урчу, словно кларнет. Изгибаясь, будто гуттаперчевый мальчик, под нежной рукой хозяйки, я позволяю женщине гладить живот и намекаю на глубочайшее доверие к ней. Жаль, что из-за занятости Анны почесушки случаются редко. «Чем я недоволен?» – спросите вы. Ответ вы найдёте в моих рассказах и, дослушав последний, надеюсь, измените представление о пушистых собратьях. Не так уж и сладка наша жизнь.

В доме на привязи меня никто не держит. В любое время я покидаю своё пристанище через маленький лаз внизу наружной двери, прикрытый, от посягательств чужаков, куском линолеума.

Люди считают, что домашние коты живут, как сыр в масле катаются и жизнь их, – сытая и спокойная. Это выражение я хочу здесь оспорить. Не каждый человек способен заметить подводные камни в жизни кота.

Погодите-ка секундочку, мои слушатели. Кто-то там за дверью возится. Может Михаил пришёл? Точно он! По шороху я распознаю любого из домашних. Пойду-ка я от греха подальше. А то часто со мной происходит одна и та же история. Одну из них я сейчас озвучу.

*

Как-то, после сытного обеда, я крепко уснул и не слышал, как скрипнула дверь. Снится мне сон о том, что я владелец молокозавода, – этого рогатого, которая с хвостом и выменем. И

столько у меня молока, что хоть каждый день ванны лечебные принимай. И вот лежу я, значит, в ванне с косынкой на голове, чтобы уши не вымочить и песни мурлычу. Вдруг меня, как ушатом с холодной водой обдало, и я услышал, как с неба грянул оглушительный грозный рык:

– Брысь! – это был голос моего хозяина.

Открыв глаза, я в стотысячный раз увидел приземляющийся на мой хвост ботинок сорок пятого размера. Михаил, чертыхаясь, поддел меня ногой, да так, что я стартовал на полметра вперёд с громким визгом:

– Мяу-у! – и приземлился у противоположной стены, слушая сыпавшуюся следом тираду нотаций.

– Половик! Какого чёрта?! Тебе углов мало? Пшёл вон отседа. Вечно валяешься на пути! Ты шо, оглох?! Не слышал, что я пришёл?

Во мне взыграла обида:

– Что из того, что я слышу? Я же не прозрачный. Ты разве не заметил, что я тут лежу? – и выпученными глазами поглядел на Михаила, ожидая извинений.

Пулемётная очередь яростной ругани влетала в мои чуткие уши со скоростью патрон-ташной ленты. И всё же, поджав хвост, я юркнул за дверь, а затем настороженно выглянул из засады. Михаил снял пиджак и наклонился за тапкой. Я пригнулся, чтобы увернуться от летящего на меня снаряда и взвизгнул:

– Мяу-у!

Тапка врезалась в косяк двери. Я умчался под кровать, прочесав спину с головы до хвоста поперечным краем доски, и завопил:

– Я-и-и! Блин!

Не вписался. Это было больно, скажу я вам...

Потоптавшись, я улёгся по центру убежища, осуждая хозяина за нелояльное ко мне отношение и рассуждал:

– Это моё место! Не велика честь, переступишь. Счас же... разбежался тебя слушаться. Я за-анят... мыслями. Не видишь разве?! Кто будет байки о нас, – котках, рассказывать людям? Ты, что ль? Что ты о котках знаешь?..

Михаил всё ещё бушевал, ругался без умолку. Наверное, на работе получил по шапке от начальника. Вот и срывает злость на мне:

– Ещё раз увижу твою пушистую тушку на пороге, выкину на улицу. Будешь лежать там, где захочешь, – бурчал Михаил и собирал тапки, а надев, прихрамывая поплёлся в кухню.

Мне было нестерпимо обидно, что семья меня не понимает. Слабый и беззащитный дурачок не ценит мою заботу о нём.

– Где же хозяин мозги растерял? Пора привыкнуть к тому, что я у порога. Под ноги пора научиться смотреть, и знать куда ступаешь! Я всегда лежал и буду лежать у порога.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.